

ПРЕМЬЕРА

Зона внутри

На X Дягилевском фестивале состоялась мировая премьера оперы для хора Tristia

ПАВЕЛ КАТАЕВ

Хоровая опера Tristia («Скорбные элегии») была впервые исполнена 23 июня в Органном концертном зале Пермской филармонии. Статус «мировая премьера» звучит громко и по факту абсолютно оправдан. Небольшой музыкально-поэтический цикл, из которого она выросла, имел к пермскому контексту отношение отдалённое — территориально и концептуально. Однако, скорректировав вектор, Tristia в итоге попала в самую точку, точно совпав с историческими обстоятельствами, прозвучав в нужное время в нужном месте.

Несколько лет назад французский композитор Филипп Эрсан написал 13 коротких песен на стихи заключённых в рамках фестиваля «Свет и тень», проходившего во французском аббатстве Клерво (раньше на территории монастыря располагалась тюрьма, а теперь она занимает здание неподалёку). Произведение Эрсана услышал художественный руководитель Пермского театра оперы и балета Теодор Курентзис и предложил композитору написать продолжение — уже на стихи русских заключённых. Первое исполнение дополненных «Скорбных элегий» было приурочено к юбилейному Дягилевскому фестивалю.

Само название хоровой оперы указывает на то, как один трагический мотив может связать разные культуры, эпохи, судьбы. Tristia, или «Скорбные элегии», — так назывался цикл писем в стихах, написанный Овидием в ссылке, а впоследствии — поэтический сборник и одно из стихотворений Осипа Мандельштама. Композиция оперы тоже вбирает в себя множество культурных предпосылок: она подобна строению ада в «Божественной комедии» Данте — в первой части мы видим три «круга», отмеченные стихами французских заключённых, созданных на французском, а также на корсиканском и япон-

ском языках; вторая часть — три «круга» тюремной поэзии на русском, от произведений литераторов — жертв политических репрессий до блатного фольклора.

«Я счастлив, что слова заключённых из Клерво и слова русских узников удалось сделать единым целым, и этот общий голос услышат самые разные люди», — говорит Филипп Эрсан. При этом сочинения людей, осуждённых за реальные преступления, стоят рядом с произведениями Варлама Шаламова и Осипа Мандельштама. Для замысла оперы не важно, справедливо или несправедливо наказан узник: речь идёт об экзистенциальных вещах — о свободе и несвободе.

Tristia начинается во мраке. В душной тишине зала звучит отрывок из рассказа Варлама Шаламова — о короткой тропе, протоптанной в тёмном лесу и невольно ставшей тропой творческой. Этот прозаический эпиграф читал на пермской премьере Михаил Мейлах — культуролог, поэт, профессор Страсбургского университета и... в недалёком прошлом диссидент и узник лагеря «Пермь-36». Затем слышится нечто напоминающее стук колёс теплушек. Постепенно в инструментальную звуковую ткань начинает вплетаться хор. Едва ли не каждая пьеса отмечена новым, неожиданным сочетанием голосов: дуэ-

ты, трио, солирующий тенор, тоскливо выводящий строки из Мандельштама, наконец, весь хор, обрушающийся на зрителя в громогласном тутти волну накопленного отчаяния.

Инструменты возникают неожиданно, подчиняя себе всё пространство. Сначала флейты появляются у выходов с обеих сторон зала, чуть позже тромbones оказываются в проходах, а виолончель периодически занимает место на сцене. Эрсан намеренно отказался от оркестра в полном составе, лишь иногда оттеняя хор отдельными голосами инструментов. Когда же стихотворение француза, изучившего в тюрьме японский язык и взявшего псевдоним Такэзо, звучит под армянский дудук, становится понятно, что любые национальные границы условны — перед нами отчасти естественный, отчасти ассоциативный конгломерат разных культур. Сам Эрсан упоминает аллюзии на древние японские песни, итальянские мадrigалы, флорентийские баллады, ирландские песни, русский фольклор... А поклонники A Filetta испытывают радость узнавания традиционной корсиканской песенной полифонии.

Вторая часть оперы бросает в зрителя ещё больше экспериментов в текстах, сценографии, аранжировках. В русском тюремном аду звучит: «А на свободе фраера гуляют с ночи до утра». В одном из эпизодов вдруг встают люди в зрительном зале и начинают повторять за хором фразу под грозный рокот больших барабанов. Столк необходимый в русской части аккордеон то разудало идёт напролом, то вздыхает робким рефреном. Одним из самых щемящих моментов становится всплеск медных духовых и хора под оглушительный марш малого барабана.

Tristia кажется произведением разрозненным, фрагментарным, болезненным, нестабильным и при этом замкнутым в угнетающем постоянстве того мира, который она моделирует. Это произведение намеренно неуютное, вытягивающее слушателя из зоны комфорта и заставля- ющее посмотреть на собственную историю и социальное настоящее — те общие, недавно зарубцевавшиеся раны, от которых можно отгородиться забвением, но нельзя избавиться. В острый и сложный композиционный рельеф «Тристии» дирижёру Теодору Курентзису и хоромейстеру Виталию Полонскому удалось вдохнуть жизнь, подчеркнув крутые изгибы внутренней драматургии. Отчаяние, раскаяние, тоска, веселье, надежда, любовь — всё это ноет и вертится на сцене, в музыкально воссозданной тюремной камере.

«Зона — часть нас всех и каждого из нас. Зона — не столько вне, сколько внутри. Зона — это внутренняя задача, которая решается здесь и сейчас», — пишет историк и культуролог Вячеслав Раков в своей статье, которую составители сочли необходимым включить в информационный буклете премьеры. Для региона, где исторически селились ссыльные и где сегодня идёт борьба вокруг музея политических репрессий, особенно важно если не изжить (это едва ли возможно), то хотя бы принять и обезболить этот травматический опыт. Можно ли найти для решения этой задачи средство более честное этически и адекватное эстетически, чем опера? Тот же факт, что истоки «Тристии» лежат где-то во французском аббатстве, лишь подчёркивает общечеловеческий смысл этой задачи.

Теоретически подкованным меломанам осталось не вполне понятным жанровое определение — что же такое «хоровая опера»? Какую завершённую форму примет спектакль, покажет постановка, которую режиссёр Димитрис Папаиоанну должен представить на сцене Пермской оперы в декабре. Однако уже первое, концертное исполнение «Тристии» оставило впечатление законченного, максимально продуманного действия. Свечи, запах ладана, тёмные «рясы», в которые одеты хористы, звон колоколов — всё это превратило концерт в священное действие, почти в ревкием.

